

Сергей Нечаев

ИВАН *Грозный*

ЖЕНЫ И НАЛОЖНИЦЫ «СИНЕЙ БОРОДЫ»

Сергей Нечаев

**Иван Грозный. Жены и
наложницы «Синей Бороды»**

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2022

УДК 929
ББК 63.3(2)4

Нечаев С. Ю.

Иван Грозный. Жены и наложницы «Синей Бороды» /
С. Ю. Нечаев — ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2022

ISBN 978-5-6048209-0-2

Говорят, великий и ужасный Иван Грозный хвастался, что совратил тысячу дев. Официально считается, что у него было несколько десятков наложниц и семь жен. По слухам, Марфа Собакина была отравлена, Василиса Мелентьева закопана заживо, а Мария Долгорукая утоплена. Причина смерти Анастасии Романовой до сих пор загадка. Ну что же, перед нами - типичный образ «Синей бороды», безумного тирана и кровавого маньяка! Но не все так просто. Очевидцы утверждали, что Иван IV был благородным и великодушным человеком, обладавшим приятной внешностью и чарующим голосом. Доказано, что Грозный был одним из самых эрудированных людей своего времени. Он обладал феноменальной памятью и блестяще владел ораторским искусством. Так кто же он? Человек, вдвое увеличивший территорию России, мудрый правитель и просто любвеобильный мужчина или сумасшедший самодур, каким его порой изображают в нашем кинематографе? В любом случае история Ивана Грозного и его женщин изрядно пощекочет вам нервы! В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929
ББК 63.3(2)4

ISBN 978-5-6048209-0-2

© Нечаев С. Ю., 2022

© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2022

Содержание

Глава первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Нечаев
Иван Грозный. Жены и
наложницы «Синей Бороды»

АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛ

© Нечаев С.Ю., 2022

© ООО «Издательство «Аргументы недели», 2022

«Жен у Грозного было юридически пять (Анастасия, Мария Темрюковна, Марфа, Анна Колтовская и Мария Нагая), а фактически четыре... Мария Нагая выглядит все же незаконной, так что ее потомство не вправе претендовать на престол...

Но тут-то и кроется очередная загадка. Борис Годунов, из «правителя» России ставший русским царем, как раз и имел все основания к тому, чтобы представить Марию Нагую и ее сына совершенно незаконными, неправильными. А значит, уже с его подачи с документами могли и поработать надежные люди, добавив Грозному лишних жен, дабы Мария и Дмитрий предстали персонами, никаких прав на престол не имеющими...

Ну, нет полной ясности, хоть ты тресни! Есть летописи, почти все сочиненные гораздо позже событий, есть заинтересованные лица, вполне способные летописи подправить, есть сказочники, по тем или иным причинам разводившие туры на колесах... А истина, полное впечатление, безнадежно затерялась в минувших веках.

Грозный, без сомнения, женщин вниманием не обходил. Но вторая половина его жизни отображена настолько туманно, что руки опускаются в попытках отделить правду от сказок. Куда уж дальше, если даже Валишевский, немало потрудившийся для разрушения многих идиотских мифов о Грозном, однажды написал следующее: «Вполне возможно, что даже опричники служили для удовлетворения таких наклонностей и вкусов его страстной и неумеренной природы, которых, по-видимому, не могли ослабить в нем ни старость, ни болезни. Возможно, что этот привычный разврат принимал иногда самые отвратительные и жестокие формы». Уж если такое писал один из самых объективных биографов Грозного, чего можно было ожидать от тех, кто слепо мифам следует, предпочитая их реальности?»

Александр Бушков

Глава первая

Анастасия Захарьина

Иоанн Васильевич, прозванный Иваном Великим и вошедший в историю как Иван IV Грозный, сын Великого князя Московского Василия III и Елены Васильевны Глинской, родился 25 августа 1530 года в подмосковном селе Коломенское.

Согласно бытовавшему тогда на Руси закону, великокняжеский престол переходил к старшему сыну, однако Ивану было всего три года, когда его отец очень серьезно заболел. Юрий, брат Ивана, был еще на два года младше, а посему ближайшими претендентами на трон стали младшие братья Василия, из которых в живых к тому времени оставались двое: Юрий, князь Дмитровский, родившийся в 1480 году, и Андрей, князь Старицкий и Волоколамский, родившийся в 1490 году.

Предвидя скорую смерть, Василий III сформировал для управления государством специальную боярскую комиссию, которая должна была беречь Ивана, пока он не достигнет совершеннолетия. В опекунский совет вошли князь Андрей Старицкий, князь Михаил Львович Глинский, воеводы братья Василий Васильевич и Иван Васильевич Шуйские, боярин Михаил Юрьевич Захарьин и еще несколько человек.

Великий князь Московский Василий III умер 3 декабря 1533 года, а уже через несколько недель бояре избавились от основного претендента на трон – Юрия, князя Дмитровского (он был арестован и умер в 1536 году в темнице, а его удел был присоединен к Московскому княжеству).

Опекунский совет управлял страной меньше года, после чего его власть начала рушиться. В августе 1534 года произошел ряд перестановок в правящих кругах.

5 августа был арестован князь Михаил Львович Глинский, и он очень скоро умер в тюрьме. В этом же месяце был арестован и еще один член опекунского совета – Михаил Воронцов.

Анализируя события августа 1534 года, историк С.М. Соловьев делает вывод, что «все это было следствием общего негодования вельмож на Елену и ее любимца Оболенского».

Попытка князя Андрея Старицкого в 1537 году захватить власть окончилась неудачей. Елена Глинская, вдова Василия III, велела своему фавориту князю Ивану Федоровичу Телепневу-Овчина-Оболенскому схватить его. Князь Андрей бежал в Новгород, но был заблокирован там и вынужден сдаться. Потом его судили в Москве и бросили в тюрьму вместе со всей его семьей. Там он и умер несколько месяцев спустя (11 декабря 1537 года).

А 4 апреля 1538 года скоропостижно умерла и сама Елена Васильевна Глинская, которой было всего тридцать лет.

Таким образом, будущий Иван Грозный, в три года лишившись отца, а в семь – матери, стал полным сиротой. Он неутешно горевал, а рядом, прямо во дворце, не скрываясь, веселились бояре...

– Слава Богу! Прибрал, наконец, проклятую немку...

Конечно же, Елена Васильевна Глинская не была немкой. Она происходила из литовского княжеского рода, предположительно, татарского происхождения, который не имел ничего общего с польским дворянским родом Глинских, существующим и поныне. Впрочем, князь Михаил Львович Глинский, имя которого уже называлось, воспитывался при дворе немецкого императора и принял католичество. При вступлении на престол короля Сигизмунда I Старого он поднял против него восстание (как считается, он хотел создать независимую от польско-литовской короны державу на востоке Украины), а потом, потерпев поражение, бежал в Москву.

Но для русских бояр он так на всю жизнь и остался немцем, равно как немкой для них была и его племянница Елена Глинская. Удивительно, но у русских всегда было так: кто любит порядок и умеет работать – тот немец.

– Старорусских заветов не уважала, немецкие порядки завела. Аль не грех? – костерили покойную бояре.

– Грех, великий грех. И сама, срамница, с князем Иваном Овчина-Оболенским прелюбодейничала...

Юный Иван Васильевич подобные речи слышал и, гневно сжимая кулачки, шипел себе под нос:

– У-у-у, псы шелудивые... Погодите, войду в лета – всем головы поотрубая...

Не прошло и недели после смерти Елены Васильевны Глинской, как бояре – князя Шуйские с советниками – избавились от Оболенского. Он и его сестра Аграфена были схвачены: он умер в заточении от недостатка пищи и тяжести оков, а она была сослана в Каргополь и пострижена в монахини.

Митрополит Московский и всея Руси Даниил, убежденный сторонник централизованного государства и активный сподвижник Елены Глинской, был немедленно отстранен от управления государством и отправлен в монастырь, где он и умер в 1547 году.

Так называемые опекуны вели себя насмешливо и дерзко. Они нещадно разоряли государственную казну и дрались за место у трона. До малолетнего Ивана Васильевича никому не было никакого дела. Всеми забытый и покинутый, он слонялся по дворцу и копил в себе ненависть ко всему, что его окружало.

* * *

В августе 1545 года с приходом пятнадцатилетнего возраста Иван Васильевич достиг совершеннолетия.

В XVI веке именно в этом возрасте дворянские дети поступали на военную службу, а дети знати получали низшие придворные должности. Иван Васильевич был, конечно, лицом особого рода и мог уже стать полноправным правителем обширной и могущественной державы, однако он оказался малоподготовленным к исполнению этой функции, а окружали его достаточно случайные люди.

Но вот прошло чуть больше года, и 13 декабря 1546 года шестнадцатилетний Иван Васильевич вдруг впервые высказал намерение жениться, но перед этим он заявил, что хочет венчаться на царство «по примеру прародителей».

Некоторые историки полагают, что инициатива принятия царского титула просто не могла исходить от шестнадцатилетнего юноши. Профессор Р.Г. Скрынников, например, пишет:

«В действительности инициатива коронации принадлежала не Ивану, а тем людям, которые правили его именем».

Скорее всего, как считается, большую роль в этом сыграл митрополит Московский и всея Руси Макарий, который был возведен на митрополичий престол в 1542 году.

Древняя Византийская империя с ее правителями всегда была образцом для православных стран, однако она пала под ударами неверных. Москва в глазах православных должна была стать наследницей Царьграда – Константинополя. Для того же митрополита Макария торжество самодержавия олицетворяло торжество православной веры, вот он и постарался.

Выдающийся русский историк В.О. Ключевский придерживается иной точки зрения, отмечая рано сформировавшееся у Ивана Васильевича стремление к власти. По его мнению, «политические думы царя вырабатывались тайком от окружающих».

В любом случае идея венчания на царство стала полной неожиданностью для бояр. По словам В.О. Ключевского, будучи еще почти ребенком, Иван Васильевич говорил с боярами «так обдуманно, с такими предусмотрительными политическими соображениями», что они даже «расплакались от умиления, что царь так молод, а уже так много подумал, ни с кем не посоветовавшись, от всех утаившись».

* * *

Церемония венчания состоялась 16 января 1547 года в Успенском соборе Московского Кремля. После торжественного богослужения митрополит Макарий возложил на голову Ивана Васильевича шапку Мономаха – символ царского достоинства. Потом юный царь был помазан миром, а затем митрополит Макарий благословил его.

Считалось, что шапка Мономаха была даром византийского императора Константина IX своему внуку, киевскому князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху, что символизировало преемственность власти русских правителей от византийских императоров. На самом деле, такое происхождение шапки-символа крайне сомнительно: император Константин умер в 1055 году, когда Владимиру было всего два года, и вероятность того, что он получит Киев, была весьма скромной.

Как бы то ни было, сам ли или по инициативе людей, которые правили его именем, но свое совершеннолетие Иван Васильевич ознаменовал тем, что принял титул царя Ивана IV.

Царский титул имел огромное значение. Он, в частности, позволил Ивану Васильевичу занять совершенно иную позицию в дипломатических отношениях с Западной Европой, ведь великокняжеский титул переводился просто как «принц» или даже «великой герцог», титул же «царь» в европейской иерархии стоял наравне с титулом «император».

Да и в глазах самого Ивана Васильевича перемена титула стала важной жизненной вехой. Вспоминая те дни, он писал, что сам взялся строить свое царство, и «по Божьей милости начало было благим». Увенчанный царским титулом, став Иваном IV, он явился перед своим народом в роли преемника римских кесарей и помазанника Божьего на земле.

* * *

После церемонии венчания на царство родня Ивана Васильевича добились для себя больших выгод. В частности, бабка царя Анна Якшич (в замужестве Глинская – супруга князя Василия Львовича Глинского и мать Елены Глинской) с детьми получила обширные земельные владения на правах удельного княжества. Князь Михаил был объявлен царским конюшим¹, а его брат князь Юрий стал боярином.

Таким образом, коронация Ивана Васильевича, по сути, не положила конец боярскому правлению. На самом деле, произошла всего лишь смена боярских группировок у кормила власти. Однако эта смена не стала окончательной, а больше походила на калейдоскоп, в котором кратковременный период господства Глинских сменился господством Шуйских, а тех... Впрочем, обо всем по порядку.

Н.М. Карамзин по этому поводу пишет:

«Он (Иван Васильевич – *Н.С.*) любил показывать себя царем, но не в делах мудрого правления, а в наказаниях, в необузданности прихотей; играл, так сказать, милостями и опалами: умножая число любимцев, еще более умножал число отверженных; своевольствовал,

¹ Конюший – придворный чин в Русском государстве, начальник конюшенного приказа, ведавшего царской конюшней, дворцовыми экипажами, конюшенными слободами, селами и угодьями, сбором пошлин с московских торговых бань и с купли-продажи лошадей на конских площадках.

чтобы доказывать свою независимость, и еще зависел от вельмож, ибо не трудился в устройении царства и не знал, что государь истинно независимый есть только государь добродетельный. Никогда Россия не управлялась хуже: Глинские, подобно Шуйским, делали, что хотели именем юноши-государя; наслаждались почестями, богатством и равнодушно видели неверность частных властителей; требовали от них раболепства, а не справедливости».

С Глинскими было покончено в 1547 году. Сначала погиб Юрий Васильевич Глинский, сын Анны Якшич-Глинской, а потом и она сама пала жертвой «злоумышленного оговора» в поджоге Москвы.

Дело в том, что в июне 1547 года Москву опустошил страшный пожар. Тогда в пламени погибло около двух тысяч человек и почти все имущество москвичей. Враги Глинских поспешили воспользоваться этим бедствием для того, чтобы избавиться от них. Ивану Васильевичу донесли, что Москва сгорела не просто так, а по злему умыслу. Царь велел произвести расследование. Для этого Шуйские собрали в Кремль чернь и стали спрашивать: кто зажигал Москву?

– Княгиня Анна с детьми, – последовал ответ. – Она волхвовала, вынимала сердца человеческие, да клала их в воду, да тою водою, разъезжая по городу, кропила – оттого Москва и выгорела.

Бред, конечно, полнейший. Но народ в своей массе глуп, и любая власть для черни, по сути, ненавистна. А когда народ глуп, им легко управлять, чем и воспользовались Шуйские, прекрасно понимавшие, что чернь любого готова забросать грязью, ей лишь подбрось для этого повод.

Находившийся при этом Юрий Глинский, видя, что назревает беда, немедленно спрятался в Успенском соборе. Однако разъяренная толпа бросилась вслед за ним, вытащила его из церкви и растерзала.

Писатель А.А. Бушков рассказывает:

«После этого началась вакханалия – три дня разгула толпы, который никто из находившихся в Москве бояр и не думал прекращать. Разграбили дом убитого и жилища других Глинских, перебили всех холопов Глинских, какие подвернулись под руку. Сгоряча порешили и нескольких совершенно посторонних людей – «детей боярских из Северской земли», которых кто-то назвал приближенными Глинского, а разъяренная толпа документов с пропиской про- верить не стала».

Сама же Анна Глинская с другим сыном, Михаилом Васильевичем, была в то время в Ржеве. Совершенно обезумевшая чернь, не удовлетворенная убийством Юрия, на третий день явилась к царскому дворцу, требуя выдачи бабки царя и ее сына. Люди почему-то думали, что «виновники пожара» были спрятаны в покоях Ивана Васильевича. Но будущий Иван Грозный подобного с собой обращения никогда не любил. В ответ он приказал схватить зачинщиков и немедленно казнить их, а все остальные разбежались по домам. Как отмечает Э.С. Радзинский, «истинный внук Ивана Третьего, он уже понял свой народ: царство без грозы, что конь без узды».

Что, в конечном итоге, стало с Анной Глинской и ее вторым сыном, точно неизвестно. Они явно пережили восстание 1547 года, но вот потом следы их потерялись. По одной из версий, бабушка Ивана Грозного умерла примерно в 1553 году, приняв до этого постриг под именем сестры Анисьи.

Что касается Михаила Васильевича Глинского, то он бежал в Литву. Потом он вдруг оказался новгородским наместником и принялся разорять соседнюю Псковскую область, за что его поймали, отобрали все награбленное и отправили в отставку. Вскоре, примерно в 1559 году, его не стало.

* * *

После своего венчания на царство Иван Васильевич решил жениться.

А.А. Бушков по этому поводу рассуждает следующим образом:

«Дело тут было не только в естественных стремлениях молодого человека. Испокон веков на Руси считалось, что подлинное совершеннолетие наступает не по достижении определенного возраста, а лишь после женитьбы (каковая может последовать даже раньше формального совершеннолетия по возрасту). Холостой человек считался вроде даже и не вполне полноценным».

Считается, что будущий Иван Грозный узнал, что такое женщина, в тринадцатилетнем возрасте. Это бояре, стремясь отвлечь его от более важных дел, наперебой устраивали ему «любовные контакты». Благодаря этому, молодой человек менял любовниц чуть ли не каждый день. Всего за четыре года бояре подложили под него несколько сот девиц, которые, по большей части, были весьма искушенными в любовных чарах. Рано сформировавшийся мужчина ни от кого и ни от чего не отказывался, и в результате среди бояр об Иване Васильевиче сложилось мнение, что он любит веселых, бойких и очень страстных женщин.

Первой мыслью было искать невесту «в иных царствах», но, рассудив основательнее, эту мысль отбросили. Лишенный в младенчестве родителей и воспитанный в сиротстве, царь мог не сойтись нравом с иностранкой.

– Желаю найти невесту на Руси, – заявил шестнадцатилетний Иван Васильевич.

Митрополит Макарий с умилением ответил:

– Сам Бог внушил тебе намерение столь вожаделенное для твоих подданных! Благословляю оное именем Отца Небесного.

После этого, в феврале 1547 года, был устроен полноценный смотр невест, на который претенденток свезли со всей Руси. Но сначала были разосланы гонцы, которые развезли по всему царству «сваты грамоты», адресованные всему русскому дворянству. Сообщалось в них следующее:

«Когда к вам эта наша грамота придет, и у которых будут из вас дочери девки, то вы бы с ними сейчас же ехали в город к нашим наместникам на смотр, а дочерей девок у себя ни под каким видом бы не таили. Кто же из вас дочь девку утаит и к наместникам нашим не повезет, тому от меня быть в великой опале и казни. Грамоту пересылайте меж собою сами, не задерживая ни часу».

Фактически, относительно выбора невесты Иван Васильевич повторил тот же способ, который был употреблен при первой женитьбе его отца Василия III и который существовал еще у Византийских императоров. Всего на просмотр было собрано примерно полторы тысячи «дочерей девок».

А.А. Бушков иронично называет это «первым в нашей истории всероссийским «конкурсом красоты», проводимым в два этапа»: сначала наместники выискивали самых красивых «на местах», а уж потом молодой царь лично вел просмотр отобранных.

Надо думать, сами претендентки отнеслись к этому мероприятию с большим энтузиазмом – во всяком случае, те из них, чье сердце было свободно. В самом деле, «приз» самую удачливую из них ждал очень завидный.

Из огромной толпы собранных красавиц Иван Васильевич выбрал Анастасию Романовну Захарьину-Юрьеву. Этим выбором он поразил всех. Боярышни, собранные со всего царства, кокетливо улыбаясь, всеми способами старались обратить на себя внимание царя, а он выбрал ту, скромность которой у всех вызывала лишь насмешливые улыбки. По всей видимости, несмотря на всю уродливость условий, в которых протекало детство молодого человека, у него

где-то в самом укромном уголке души еще слабо тлела искра – мечта о безмятежном и тихом счастье.

* * *

Итак, выбрана была Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева.

Принято считать, что род Захарьиных был не из самых знатных, хотя на самом деле это было не совсем так.

Историки Л.Е. Морозова и Б.Н. Морозов по этому поводу пишут:

«Захарьины жили в Китай-городе, служили при великокняжеском дворе и постоянно присутствовали на праздниках в кремлевских соборах».

Они же уточняют, что одной из причин избрания Анастасии «могла быть ее знатность и приближенность к великокняжескому двору».

У Н.М. Карамзина относительно рода Захарьиных читаем:

«Род их происходил от Андрея Кобылы, выехавшего к нам из Пруссии в XIV веке. Но не знатность, а личные достоинства невесты оправдывали сей выбор, и современники, изображая свойства ее, приписывают ей все женские добродетели, для коих только находили они имя в языке русском: целомудрие, смирение, набожность, чувствительность, благость, соединенные с умом основательным, не говоря о красоте, ибо она считалась уже необходимой принадлежностью счастливой царской невесты».

Отец Анастасии, Роман Юрьевич Захарьин-Кошкин-Юрьев, сын боярина Юрия Захарьевича Захарьина-Кошкина и боярыни Ирины Ивановны Тучковой, был окольничим при Великом князе Московском Иване III, умершем в 1505 году. При дворе он появлялся нечасто, но лишь по той причине, что постоянно исполнял обязанности воеводы в каком-нибудь крупном городе.

Почему-то многие авторы пишут, что Роман Юрьевич был ничем не примечательным человеком. Однако он был окольничим, а этот придворный чин на Руси считался вторым (после боярина) чином Боярской думы – высшего совета, состоявшего из представителей феодальной аристократии. Обычно окольничие возглавляли приказы (так назывались органы центрального государственного управления) или полки. Так что относительно «ничем не примечательного человека» – это явная недооценка.

Но вот дядя Анастасии, Михаил Юрьевич Захарьин, был, как бы сейчас сказали, гораздо круче. Он состоял советником при Великом князе, и Л.Е. Морозова и Б.Н. Морозов отмечают, что он был прозван «оком Василия III». Как мы уже говорили, тот даже включил его в опекунский совет при своем маленьком сыне Иване, так что будущий Иван Грозный был знаком с семьей своей будущей невесты с детства.

Отметим также и такой немаловажный факт: Анастасия, ставшая первой и наиболее любимой женой Ивана Грозного, была дочерью Романа Юрьевича, и именно от этого имени возникла фамилия (точнее, прозвание) Романовы.

* * *

С происхождением этой царской фамилии хотелось бы разобраться поподробнее.

Первым достоверным предком рода Романовых считается Андрей Иванович Кобыла – боярин московского князя Ивана Калиты, правившего в 1325–1340 годах.

У Андрея Ивановича было пять сыновей: Семен Жеребец, Александр Елка, Василий Ивантей, Гавриил Гавша и Федор Кошка. Они явились родоначальниками многих русских дворянских фамилий. Например, Семен Жеребец стал родоначальником известного рода Конов-

ницыных, Александр Елка – родоначальником рода Колычевых, Неплюевых и Боборыкиных, а Федор Кошка – родоначальником рода Романовых и Шереметевых.

Федор Андреевич Кошка умер в 1407 году, его сын Иван Федорович Кошкин – в 1427 году, а внук Захарий Иванович Кошкин – в 1461 году.

Дети Захария Ивановича Кошкина стали Захарьинами-Кошкиными. От Юрия Захарьевича, умершего в 1504 году, пошли Захарьины-Юрьевы, а от его брата Якова Захарьевича, умершего в 1510 году, – Захарьины-Яковлевы.

Юрий Захарьевич Захарьин-Кошкин, боярин с 1483 года, имел шестерых детей, одним из которых был Роман Юрьевич, отец Анастасии.

Сведения о жизни Романа Юрьевича очень скудны. Известно лишь, что он был дважды женат. От этих браков у него были дети: Данила, Никита, Анна и Анастасия.

Анастасия была младшей из двух дочерей Романа Юрьевича от брака с княжной Ульяной Федоровной Литвиновой-Мосальской.

Из всех братьев Анастасии самым знаменитым стал Никита Романович, участник шведского похода 1551 года, воевода во время литовского похода 1559 года (он-то и станет потом основателем царской династии Романовых).

А.А. Бушков в свойственной ему манере пишет:

«Царской избранницей оказалась Анастасия Юрьева-Захарьина, первая Романова. Впоследствии, когда династия Романовых, имевшая в обоснование своих «прав» лишь этот факт, утвердилась на русском престоле, была развернута могучая пропагандистская кампания с целью елико возможно большего превозношения романовских предков, якобы игравших немалую роль в истории России. Утверждалось даже, будто родители Анастасии и прочие ее родичи обладали уж такой любовью и авторитетом у русского народа, что это якобы и повлияло на царев выбор...»

Сказки, конечно. На царский выбор могла повлиять в данном случае исключительно красота девушки, и ничто более: простите за вульгарность, но молодому человеку в постель ложиться хотелось отнюдь не с «высокой репутацией» Юрьевых-Захарьиных».

Роман Юрьевич Захарьин-Кошкин-Юрьев, отец Анастасии, умер 16 февраля 1543 года. Он был погребен в фамильном склепе Преображенского собора Новоспасского монастыря в Москве, что расположен за Таганкой, на Крутицком холме.

Современные исследования скелета отца Анастасии Романовны показали, что он имел рост 178–183 см и страдал болезнью Педжета (так называется патологический процесс в костной системе, вызванный нарушением обмена веществ).

* * *

После смерти отца Анастасия жила с матерью – княжной Ульяной Федоровной.

Будущая царица с молодых лет славилась своей красотой. Будучи очень невысокого роста, она имела правильные черты лица, длинные густые темно-русые волосы и, предположительно, темные глаза.

Венчание Анастасии Романовны с царем Иваном Васильевичем состоялось 3 февраля 1547 года.

Посаженным отцом² назначили Юрия, брата Ивана Васильевича. Дружками³ жениха стали Дмитрий Федорович Бельский и двоюродный брат Анастасии Иван Михайлович, дружка Анастасии – бояре Иван Иванович Пронский-Турунтай и Михаил Яковлевич Морозов.

² По традиции девушку под венец должен вести отец, чтобы передать ее в руки жениха. Если отца не было (как в случае с Анастасией), то его роль на свадьбе исполнял «посаженный» отец, а это мог быть кто угодно.

³ Дружка – один из главных участников старинного свадебного обряда и распорядителей на свадьбе.

Таинство совершил митрополит Московский и всея Руси Макарий. При этом он сказал: – Днесь таинством церкви соединены вы навеки, да вместе поклоняетесь Всевышнему и живете в добродетели, а добродетель ваша есть правда и милость. Государь, люби и чти свою супругу, а ты, христоролюбивая царица, повинуйся ему. Как святой крест – глава церкви, так и муж – глава жены.

Казалось бы, живи да радуйся. Однако женитьба царя на неровне была очень плохо воспринята боярами. В частности, князь Семен Лобанов-Ростовский даже обвинил Ивана Васильевича в том, что «их всех государь не жалует, великих родов бесчестит, а приближает к себе молодых». Он так и сказал:

– Ты, государь, нас ими теснишь, а теперь и того больше – у боярина своего дочь в жены взял... Рабу свою... И как нам теперь ей служить?

Князь Лобанов-Ростовский был не единственным, кто именовал Анастасию «рабой». Для исконных потомков князя Рюрика, основателя государственности на Руси, она, конечно же, была худородна, и подобные речи постоянно звучали в ходе подготовки к царской свадьбе.

А.А. Бушков описывает это следующим образом:

«Тут-то и началось... Анастасию «старые» бояре не то что не любили – буквально ненавидели. Точку зрения благородных господ в свое время выразил боярин Лобанов-Ростовский, который разошелся настолько, что украдкой встретился с литовским послом и начал ему плакаться. [...] Посол, «социально близкий», потому что принадлежал к древнему роду, слушал с искренним сочувствием. [...] Ситуация была напряженной».

Тем не менее сама свадьба была отпразднована с большой пышностью. И все с любопытством ждали, как поведет себя царь дальше. Прошла неделя, другая, и бояре перестали узнавать Ивана Васильевича. Прекратились его жестокие забавы, не было слышно «срамных» песен, исчезли девки, наполнявшие терема дворца. Царь был приветлив и щедро помогал всем нуждающимся. Он даже выпустил из застенков многих заключенных.

Эту удивительную перемену все приписали воздействию его молодой жены. В частности, Л.Е. Морозова и Б.Н. Морозов пишут:

«С первых недель знакомства с Анастасией Иван не переставал ею восхищаться. Если при боярах царь позволял себе быть резким и грубым, нередко приходил в ярость, то при кроткой и нежной супруге он успокаивался и становился любящим и заботливым мужем. Жизнь его изменилась. Иван прекратил загулы и попойки с молодыми дворянами, больше стал думать о государственных делах и постепенно окружил себя умными и образованными людьми, часть из которых состояла в родстве с царицей».

М.П. Погодин расставляет акценты несколько иначе:

«Добрая, кроткая жена Иоаннова, Анастасия Романова, и товарищ, ровесник его, Адашев, начали действовать совокупно с Сильвестром – и все при дворе и в государстве изменилось».

Об упомянутых Адашеве и Сильвестре еще будет сказано ниже, а пока же отметим, что Анастасия Романовна всеми силами старалась оказывать на царя благотворное влияние. Однако, если ей это и удавалось, то, как показало будущее, лишь потому, что Ивану Васильевичу, скорее всего, просто нравился резкий контраст между его прежней бурной жизнью и тихим семейным счастьем.

А.А. Бушков в данном вопросе еще более категоричен:

«О царице Анастасии нам известно крайне мало, но, учитывая исторические реалии, смело можно предположить, что она была не более чем, говоря на современный манер, домохозяйкой, чьи функции и права не поднимаются выше котлет и штопки носков. «Ангелом», смиравшим гнев Грозного, она, однако, просто обязана была стать под пером романовских историографов – поскольку именно этот ее образ и работал на укрепление династии. Родствен-

ники-потомки любимейшей жены царя, единственной из всех его многочисленных супругов влиявшей на государственные дела, — это, согласитесь, нехилый имидж».

* * *

К сожалению, это была лишь временная вспышка той искорки человечности, которая таилась в Иване Грозном.

В первых числах марта в государе вдруг произошла резкая перемена, и притом без всякой видимой причины. Однажды утром он позвал к себе в опочивальню одного из дежурных бояр. Анастасия кротко заметила ему, что негоже звать мужчину в опочивальню, когда она, царица, еще лежит в постели.

Иван Васильевич цинично расхохотался и крикнул так, чтобы все слышали:

— Какая ты царица?! Как была ты Настька Захарьина, так и осталась. Захочу, сегодня же тебя в монастырь заточу, а сам снова женюсь.

Анастасия, не ждавшая от мужа ничего подобного, лишь всплеснула руками и разрыдалась.

— Вспомни, государь, — сказала она, растирая слезы, — как мы с тобой до сей поры жили. Как у нас все было хорошо, тихо да ясно.

— Да опостылела мне уже тишина эта, — резко ответил Иван Васильевич, вставая с постели. — Каждый день одно и то же. Надоело. Буду теперь жить, как раньше жил.

Молча одевшись, он вышел из опочивальни, не обращая внимания на ласковые уговоры Анастасии.

Н.М. Карамзин по этому поводу замечает:

«Ни набожность Иоаннова, ни искренняя любовь к добродетельной супруге не могли укротить его пылкой, беспокойной души, стремительной в движениях гнева, приученной к шумной праздности, к забавам грубым, неблагочинным».

А потом произошло нечто вообще ужасное.

* * *

Поведение Ивана Васильевича делалось день ото дня все невыносимее: было достаточно малейшего повода, чтобы привести его в ярость, во всех своих действиях он руководствовался лишь капризами. Однажды Анастасия, улучив хорошее настроение державного супруга, попросила его определить на придворную службу одного из своих родственников. Однако эта в общем-то невинная просьба вдруг показалась царю подозрительной. Он бросился на Анастасию с кулаками, несколько раз ударил ее и потом ушел, многозначительно сказав:

— Хорошо, сделаю по-твоему.

На другой день родственника царицы привезли во дворец и одели в наряд шута.

— Глумишься, государь, — только и успел сказать он.

Но тут появилась ничего не подозревавшая царица. Ей в глаза бросился шут, стоявший в углу, но его лица нельзя было разглядеть, а посему она спокойно села на свое место.

— Вот, посмотри-ка, — весело обратился к ней Иван Васильевич. — Только вчера ты просила меня определить во дворец своего родственника, а сегодня он уже здесь.

Анастасия изумленно оглянулась.

— Эй, Захарьин! — возвысил голос царь. — А ну, подь сюда!

Только теперь царица узнала в шуте своего родственника.

— Благодарю царицу за милость, — крикнул ему царь. — Это она меня упросила.

Захарьин поднял глаза, в которых светился укор, смешанный с ненавистью. Он сделал несколько шагов вперед, остановился и заговорил:

– Спасибо тебе, матушка-царица! Пожаловала ты меня! Весь род Захарьиных возвысила! На том бью тебе челом. Только напрасно ты меня шутю поставила. Ведь и сама шутить горазда. Уместнее пристало бы тебе шутихой быть.

Царь захохотал, а растерявшаяся Анастасия чуть не свалилась в обморок.

– Да и государь-батюшка, – продолжал тем временем Захарьин, – шутить дюже любит. И ему шутовской кафтан пошел бы...

От таких слов Иван Васильевич вскочил, как ужаленный, и лицо его свело судорогой. Возмущенно вскочили и все другие участники трапезы.

– Федька! Басманов! – прохрипел царь. – Сейчас же после трапезы готовь медведя!

Басманов свистнул своим помощникам, Захарьина схватили и увели.

– А тебе, душа моя, – обратился царь к Анастасии, – я давно обещал показать игру. Сегодня ты ее увидишь.

– Нет, не увижу, – топнула ножкой Анастасия. – Убить меня ты можешь, но заставить глядеть на твои бесчинства – это не в твоих силах.

С этими словами Анастасия поднялась и, гордо взглянув на царя, удалилась. Иван Васильевич был ошеломлен. Ему казалось, что это не его Анастасия, что кто-то подменил его кроткую, терпеливую женушку. В стольной палате стояла мертвая тишина. Никто не смел и шевельнуться, все ждали, что царь сию секунду сурово накажет строптивую царицу. Однако Иван, хоть и был Грозным, но тут вдруг совершенно неожиданно рассмеялся и воскликнул:

– Ну, и без нее обойдемся.

Гроза для царицы миновала, все облегченно вздохнули, и веселая трапеза пошла своим чередом. А через два часа на царскую площадку, огороженную высоким частоколом, вытолкнули несчастного Захарьина. Не успел он встать на ноги, как поднялась решетка, и к нему двинулась черная тень. Бурый медведь! Огромный! Утробно заревев, зверь легко вспорол лапой землю и широко разинул пасть, показав страшные зубы. На безоружного человека пахнуло горячим смрадным дыханием. Он попятился...

Медведь играючи подмял человека под себя, и он почувствовал, что смерть неминуема. Холод охватил его с затылка до ступней, а ум боролся с одной только мыслью: как выбраться из-под зверя. «Нет, из-под такого не вывернуться, уж больно здоров. Это конец», – пронеслось в голове.

И все же человек напряг все свои силы, резко, до хруста в суставах, дернулся в бок и выскользнул из-под мохнатой туши. Откатился в сторону. Но медведь не дал ему передохнуть. Рассвирепев, он поднялся на задние лапы и навалился снова. На задних лапах он казался исполином рядом с человеком. Но тот и не думал сдаваться. В неравной борьбе за свою жизнь он выл от боли и ярости, пытался сбросить страшного зверя, тряс головой из стороны в сторону, совершал судорожные движения телом... Но все бесполезно. Чем энергичнее он пытался избавиться от медведя, тем крепче у того сжимались челюсти.

Через минуту то, что еще совсем недавно было человеком, лежало пластом в луже крови с неестественно вывернутой сломанной ногой и глубоко разорванным боком.

Иван Грозный, по обыкновению сидевший на Красном крыльце, залился хохотом и крикнул:

– Хорош у меня новый шут! Вот распотешил, так распотешил!

Это было 11 апреля 1547 года, а на следующий день в Москве вспыхнул жуткий пожар, продолжавшийся около трех месяцев и превративший две трети Москвы в обгорелые развалины.

* * *

С детства Иван Васильевич проникся недоверием к окружавшей его знати. И даже когда он подрос, это недоверие по временам продолжало прорываться наружу.

А выделял он немногих, в частности, Алексея Федоровича Адашева, который был старше его и успел посмотреть мир.

Этот Адашев был сыном незначительного по происхождению служилого человека Федора Григорьевича Адашева. Впервые его имя упоминается в связи с царской свадьбой, где он был ложничим, то есть стелил брачную постель государя и сопровождал новобрачного в баню.

Тогда в бане с Иваном Васильевичем мылись его самые близкие люди – князь Юрий Васильевич Глинский, князь Иван Федорович Мстиславский, брат Анастасии Никита Романович, а вместе с ними и Алексей Адашев⁴.

В 1550 году царь пожаловал Адашева в окольничие и при этом сказал ему речь, по которой всего лучше судить о его отношении к любимцам:

– Алексей, я взял тебя из нищих и из самых молодых людей. Я тебя пожелал, и не одного тебя, но и других таких же, чтобы вы утолили мою печаль. Поручаю тебе принимать челобитные от бедных и обиженных и разбирать их внимательно. Не бойся сильных, губящих своим насилием бедных и немощных. Не смотри и на ложные слезы бедных, клеветующих на богатых, но все рассматривай внимательно и приноси к нам истину, боясь одного лишь суда Божия.

Во внутренних делах государства деятельность Адашева можно характеризовать словами князя Андрея Михайловича Курбского: «Был он общей вещи зело полезен».

Надо сказать, что после свадьбы царь приблизил к себе много новых людей. В 1547 году, например, боярство получили Иван Михайлович Захарьин-Юрьев, двоюродный брат Анастасии, Григорий Юрьевич Захарьин-Юрьев, ее дядя, а окольничими стали ее брат Данила Романович и Федор Григорьевич Адашев. Представители рода Адашевых никогда не входили в Думу, но для отца Алексея Адашева было сделано исключение.

Захарьины возглавили Большой и Тверской дворцы, а Федор Адашев – Угличский дворец, что было весьма высоким назначением.

* * *

Как бы ни был крут характер Ивана Васильевича, как бы часто ни менялось его настроение, по словам летописцев, «Анастасия наставляла и приводила его на деяния добродетели».

⁴ По традиции на свадебный пир собиралась родня, а жена Алексея Адашева Анастасия происходила из рода дворян Сатиных, которые, в свою очередь, были в родстве с одним из братьев царицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.